

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Дойл, Артур Конан.

Д62 Возвращение Шерлока Холмса : [перевод с английского] / Артур Конан Дойл. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-105106-8

Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу в первую очередь как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов — Шерлока Холмса. С помощью своего дедуктивного метода тот решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Ни один злодей не сможет уйти от возмездия, если за дело возьмется Холмс — великий мыслитель и аналитик, а также непревзойденный знаток преступного мира...

В этот том входят такие знаменитые рассказы о Шерлоке Холмсе, как «Приключение в пустом доме», «Подрядчик из Норвуда», «Пляшущие человечки», «Конец Чарльза Отгастеса Милвертона», «Шесть Наполеонов» и др.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

- © Гурова И.Г., перевод на русский язык, 2018
- © Жукова Ю.И., перевод на русский язык, 2019
- © Чуковский М.Н., Чуковская Н.К., перевод на русский язык, 2018
- © Санников Н.Г., перевод на русский язык, 2019
- © Волжина Н.А., перевод на русский язык, 2017
- © Литвинова М.Д., перевод на русский язык, 2019
- © Гвоздарева Н.Я., перевод на русский язык, 2018
- © Левченко Ю., перевод на русский язык, 2019
- © Боровой Л.Я., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-105106-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ПУСТОМ ДОМЕ

Весной 1894 года весь Лондон был охвачен любопытством, а высший свет — скорбью из-за убийства высокогородного Рональда Эйдера при самых необычных и необъяснимых обстоятельствах. Публика уже знала все подробности преступления, которые установило полицейское расследование, но очень многое осталось тогда скрытым, поскольку улики были так непроверяемы, что сочли излишним предавать гласности все факты. И только теперь, по истечении почти десяти лет, мне дано разрешение восполнить недостающие звенья и полностью восстановить эту поразительную цепь событий. Преступление было интересно само по себе, но для меня этот интерес не идет ни в какое сравнение с невероятным его последствием, которому я обязан самым большим потрясением и величайшим сюрпризом во всей моей богатой приключениями жизни. Даже теперь, после стольких лет, вспоминая о нем, я испытываю дрожь волнения и вновь ощущаю тот прилив радости, изумления и недоверия к собственным глазам, который совершенно меня ошеломил. Да будет мне дано заверить тех, кто проявлял некоторый интерес к кратким знакомствам с мыслями и действиями поразительного человека, что они не должны винить меня, если я не мог поделиться с ними моими сведениями, ибо я почел бы своим первейшим долгом сделать это, не услышь я

прямого запрещения из его собственных уст, которое было снято только третьего числа прошлого месяца.

Легко можно понять, что моя тесная близость с Шерлоком Холмсом породила у меня глубокий интерес к преступлениям и что после его исчезновения я всегда внимательно читал все подробности о загадках, представляемых вниманию публики, и даже не один раз пытался для собственного удовольствия прилагать его методы к их решению, хотя и без особого успеха. Однако ни одна из них не интриговала меня так, как трагедия Рональда Эйдера. Когда я прочел об уликах, которые привели к вердикту: преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами, — я еще глубже ощутил потерю, которую нанесла обществу смерть Шерлока Холмса. Я не сомневался, что многие особенности этого дела непременно его заинтересовали бы и усилиям полиции поспособствовали бы, а то и опередили их острый ум и несравненная наблюдательность первого борца с преступниками в Европе. Весь день, между посещениями моих пациентов, я обдумывал это дело, но не находил сколько-нибудь правдоподобного объяснения. Рискуя повторить уже дважды рассказанное, я изложу факты, ставшие известными публике после расследования.

Высокородный Рональд Эйдер был вторым сыном графа Мейнута, в то время губернатора одной из австралийских колоний. Мать Эйдера вернулась из Австралии для операции катаракты, и она, ее сын Рональд и ее дочь Хильда жили вместе в доме номер 427 на Парк-лейн. Юноша вращался в высшем свете, не имел, насколько было известно, ни врагов, ни особых пороков.

Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли, но помолвку расторгли по взаимному согласию за несколько месяцев до трагедии, и не было никаких признаков скрытой неприязни. В остальном его жизнь ограничивалась рамками условностей, так как привычки его были спокойными, а натура неэмоциональной. И все-таки этого безобидного аристократа смерть настигла крайне странно и неожиданно между десятью и одиннадцатью часами двадцатью минутами вечера 10 марта 1894 года.

Рональд Эйдер любил играть в карты и играл постоянно, но никогда на слишком высокие для него ставки. Он состоял членом карточных клубов «Болдуин», «Кавендиш» и «Багатель». Было установлено, что в день своей смерти он после обеда сыграл роббер в вист в последнем из них. Кроме того, он играл и днем. Из показаний его партнеров — мистера Мэррея, сэра Джона Харди и полковника Морана — следовало, что играли они в вист и что карты выпадали ровно. Эйдер, возможно, проиграл фунтов пять, но не больше. Он был обладателем солидного состояния, и такая потеря никак не могла его обременить. Он почти ежедневно играл то в одном клубе, то в другом, но игроком был осторожным и обычно покидал клуб в выигрыше. При расследовании выяснилось, что в партнерстве с полковником Мораном он несколькими неделями раньше даже выиграл 420 фунтов у Годфри Милнера и лорда Балморала. Вот и все последние события его жизни, установленные расследованием.

В вечер преступления он вернулся домой ровно в десять. Его мать и сестра были в гостях у родственников. Горничная показала, что слышала, как он вошел

в комнату на третьем этаже, служившую ему гостиной. Она затопила там камин, а так как он дымил, открыла окно, выходявшее на улицу. До одиннадцати двадцати оттуда не доносилось ни звука — до момента возвращения леди Мейнут и ее дочери. Мать захотела войти в комнату сына, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Дверь оказалась запертой изнутри, и он не отзывался ни на стук, ни на крики. Позвали на помощь, и дверь была взломана. Злополучный молодой человек лежал возле стола. Его голова была страшно изуродована разрывной револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не нашли. На столе лежали две десятифунтовые банкноты, а также серебряные и золотые монеты всего на 10 фунтов 17 шиллингов, уложенные столбиками на разные суммы. На листе бумаги были написаны какие-то цифры с фамилиями некоторых клубных друзей напротив них, из чего был сделан вывод, что перед смертью он подводил итоги своим карточным проигрышам или выигрышам.

Тщательное исследование всех обстоятельств только запутало дело. Во-первых, осталось непонятным, почему молодой человек запер дверь изнутри. Было предположение, что ее запер убийца, а затем вылез в окно. Однако до земли было больше двадцати футов, и на клумбе цветущих крокусов внизу цветы не были сломаны, а земля не примята. Не нашлось никаких следов и на узком газоне, отделявшем дом от улицы. Так что дверь, видимо, запер сам молодой человек. Но каким образом его постигла смерть? Никто не мог взобраться на подоконник, не оставив следов. Предположим, кто-то выстрелил в окно? Поистине, только замечательный

стрелок мог бы нанести столь смертельную рану из револьвера. Опять-таки Парк-лейн оживленная улица, а всего в ста ярдах от дома расположена стоянка кебов. Никто не слышал выстрела. И тем не менее имелся убитый и револьверная пуля, которая, пронзив череп, разорвалась, как разрываюся особые пули, и нанесла рану, повлекшую мгновенную смерть. Таковы были обстоятельства «Тайны Парк-лейн», которую дополнительно осложняло полное отсутствие мотива, поскольку, как я уже упоминал, у молодого Эйдера не было никаких известных врагов, а деньги и всякие ценности в комнате тронуты не были.

Весь день я ломал голову над этими фактами, пытаюсь нащупать теорию, которая согласовала бы их, и найти ту линию наименьшего сопротивления, которая, по убеждению моего бедного друга, является исходной точкой любого расследования. Признаюсь, я нисколько не продвинулся. Вечером я прогулялся по парку и часов в шесть оказался у конца Парк-лейн на углу Оксфорд-стрит. Кучки зевак на тротуаре, глазевших, подняв головы, на одно окно, помогли мне сразу найти дом, который я пришел посмотреть. Высокий худой мужчина в темных очках, в котором я заподозрил переодетого детектива, излагал собственную теорию, а слушатели сгрудились вокруг него. Я подошел к нему как мог ближе, однако его предположения показались мне нелепыми, а потому я попятился с некоторой брезгливостью. И толкнул пожилого скрюченного мужчину, стоявшего позади меня, так что он выронил несколько книг, которые держал. Помнится, подбирая их, я заметил заглавие «Происхождение культа деревьев» и по-

думал, что старик, видимо, бедный библиофил, который ради заработка либо из увлечения коллекционирует редкие книги. Я начал извиняться за свою неловкость, но было очевидно, что книги, которые я нечаянно подверг опасности, были в глазах их собственника бесценными. С сердитым бурчанием он повернулся на каблуках, и я увидел, как его согбенная спина и седые бакенбарды исчезают в толпе.

Мой осмотр снаружи номера 427 на Парк-лейн ничего не дал для решения заботившей меня проблемы. От улицы дом отделяла низкая ограда с решеткой на ней, вместе не выше пяти футов. Следовательно, кто угодно мог без всякого труда забраться в сад. Но окно было совершенно недосягаемо — ни водосточной трубы, ни чего-либо еще, что помогло бы ловкому человеку залезть туда. Озадаченный даже еще сильнее, чем раньше, я вернулся в Кенсингтон. Я и пяти минут не пробыл в своем кабинете, когда горничная пришла сказать, что меня хочет видеть какой-то человек. К моему изумлению, им оказался мой оригинальный коллекционер книг. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос, а под мышкой он зажимал не меньше десятка своих бесценных томов.

— Вы удивлены увидеть меня, — сказал он странным надтреснутым голосом.

Я не стал отрицать.

— Ну, так у меня есть совесть, сэр. И когда я увидел, как вы вошли в этот дом, пока я ковылял за вами, то подумал, дай-ка зайду повидать этого доброго джентльмена и скажу ему, что, конечно, я был резковат, но без

дурного намерения, и что я весьма обязан ему, что он подобрал мои книги.

— Вы придаете слишком большое значение пустяку, — сказал я. — Могу ли я спросить, откуда вы знаете, кто я?

— Ну, сэр, если это не слишком большая вольность, так я ваш сосед. Моя книжная лавочка на углу Черч-стрит, и буду счастлив видеть вас там, позвольте вам сказать. Может, вы собираете книги, сэр, так вот «Британские птицы», и Катулл, и «Священная война» — находка любая из них. Этими пятью вы как раз заполните пустоту на второй полке. Такой неаккуратный вид, верно, сэр?

Я повернул голову взглянуть на шкаф у меня за спиной, а когда снова посмотрел на старика, передо мной, улыбаясь мне через стол, стоял Шерлок Холмс. Я вскочил, несколько секунд смотрел на него вне себя от изумления, а затем, видимо, лишился чувств в первый и последний раз в моей жизни. Бесспорно, перед глазами у меня клубился серый туман, а когда он рассеялся, я увидел, что мой воротничок расстегнут, и ощутил на губах щекочущее послевкусие коньяка. Надо мной наклонялся Холмс с фляжкой в руке.

— Мой дорогой Уотсон, — произнес такой знакомый голос, — примите тысячу извинений. Я даже представить себе не мог, что это так на вас подействует.

Я ухватил его за локоть.

— Холмс! — вскричал я. — Это правда вы? Неужели вы живы? Возможно ли, что вы выбрались из этой страшной бездны?

— Погодите, — сказал он. — Вы уверены, что у вас есть силы для разговора? Мое излишне драматичное появление вас серьезно потрясло.

— Со мной все в порядке, но, право же, Холмс, я просто не верю своим глазам. Боже великий, подумать, что вы, именно вы у меня в кабинете! — Вновь я вцепился ему в рукав и почувствовал под ним худую жилистую руку. — Ну, во всяком случае, вы не призрак, — сказал я. — Мой дорогой, я в восторге, что вижу вас. Садитесь же и расскажите мне, как вы все-таки выбрались живым из этой страшной пропасти.

Он сел напротив меня и закурил сигарету со своей обычной небрежностью. Одет он был в потрепанный сюртук книготорговца, но остальные составные части этого субъекта лежали на столе кучкой белых волос и стопкой старых книг. Холмс выглядел даже более худым и энергичным, чем прежде, но мертвенная бледность его орлиного лица сказала мне, что последнее время он вел нездоровый образ жизни.

— Как приятно потянуться, Уотсон, — сказал он. — Совсем не шутка, когда высокий человек вынужден укорачиваться на фут по несколько часов в день. А теперь, мой дорогой, что до этих объяснений, то нам, если я могу попросить вас о помощи, предстоит тяжелая и опасная ночная работа. Пожалуй, будет лучше, если я изложу вам всю ситуацию, когда работа будет завершена.

— Я стораю от любопытства. И предпочел бы услышать все сейчас.

— Вы пойдете со мной ночью?

— Когда скажете и куда скажете.

— Совсем как в былые дни. Мы сможем перекусить, прежде чем настанет время отправляться. Ну, так о пропасти. Мне было нетрудно выбраться из нее по той простой причине, что меня в ней никогда не было.

— Никогда не было?!

— Да, Уотсон, не было. Моя записка вам была абсолютно правдивой. Я не сомневался, что моей карьере пришел конец, когда увидел довольно-таки зловещую фигуру покойного профессора Мориарти на узкой тропке, которая вела к безопасности. Я прочел неумолимую решимость в его серых глазах. Поэтому я обменялся с ним несколькими словами и получил его любезное разрешение написать записку, которую вы потом получили. Я оставил ее с моим портсигаром и тростью и пошел по тропке. Мориарти шел за мной по пятам. У обрыва я остановился. Он не вытащил никакого оружия, но бросился на меня и обхватил своими длинными руками. Он знал, что его игра проиграна, и хотел только отомстить мне. Мы закачались на краю обрыва. Однако я знаком с приемами бартису, то есть японской борьбы, которые не раз оказывались мне очень полезными. Я выскользнул из его рук, и он с ужасным воплем несколько секунд взбрыкивал ногами и обеими руками цеплялся за воздух. Но не сумел обрести равновесие и свалился с обрыва. Нагнувшись над краем, я наблюдал его долгое падение. Затем он ударился о выступ, отлетел в сторону и с плеском исчез под водой.

Я с изумлением слушал эти объяснения, перемежавшиеся попыхиванием сигареты.

— Но следы? — вскричал я. — Две пары следов велик обрыву, я их своими глазами видел. И никаких отпечатков обратного следа.

— Произошло это следующим образом. Едва с профессором было покончено, я сообразил, какой счастливый шанс предоставляет мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным, кто поклялся разделаться со мной. По меньшей мере еще у троих жажда отомстить мне только увеличится из-за смерти их жоака. Все они крайне опасные люди. Не один, так другой непременно доберется до меня. Однако если весь свет будет убежден в моей смерти, они пустятся во все тяжкие, эти трое, они перестанут осторожничать, и рано или поздно, но я их уничтожу. Затем настанет время объявить, что я по-прежнему жив. Мозг работает столь стремительно, что, по-моему, я обдумал все это даже прежде, чем профессор Мориарти оказался на дне Рейхенбахского водопада.

Я выпрямился и осмотрел каменистый обрыв позади меня. В вашем живописном изложении случившегося, которое я несколько месяцев спустя прочел с живейшим интересом, вы указываете, что обрыв этот был абсолютно отвесным. Однако не буквально. Кое-где торчали камни, а выше было что-то вроде ниши. Обрыв был настолько высоким, что взобраться на него до вершины представлялось невозможным, но столь же невозможно было пройти по сырой тропке, не оставив следов. Правда, я мог бы повернуть сапоги носками назад, как поступал в подобных случаях, но три следа, ведущих в одном направлении, бесспорно, навели бы на мысль об обмане. В целом выходило, что мне сле-

дует рискнуть и полезть вверх. Не слишком большое удовольствие, Уотсон! Внизу подо мной ревел водопад. Я не склонен к фантазиям, но даю слово, что я словно слышал голос Мориарти, проклиная меня из пропасти. Малейшая ошибка оказалась бы роковой. Не раз, когда пучок травы оставался у меня в руке, вырванный с корнем, или моя ступня соскальзывала с мокрого выступа, я думал, что настал мой конец. Тем не менее я продолжал взбираться и вот оказался в нише шириной в несколько футов и поросшей мягким зеленым мхом, где я мог пролежать невидимым спокойно и удобно. Там-то я и притаился, мой дорогой Уотсон, когда вы и ваши спутники с такой тревогой и так неэффективно расследовали обстоятельства моей смерти.

Наконец, когда вы все пришли к неизбежному и абсолютно ошибочному выводу, то отправились назад в отель, и я остался один. Я полагал, что мои злоключения завершились, но нечто неожиданное доказало мне, что меня ожидают новые сюрпризы. Мимо меня прогрохотал большой камень, сорвавшийся сверху, ударился о тропку и слетел в пропасть. Я было подумал, что это случайность, но секунду спустя, взглянув вверх, я увидел на фоне потемневшего неба мужскую голову, и еще один камень угодил в край моей ниши всего в футах от моей головы. Разумеется, напрашивалось единственно возможное объяснение: Мориарти пришел не один! Сообщник — а этого одного взгляда мне хватило, чтобы понять, как опасен этот сообщник, — стоял на страже, когда профессор набросился на меня. Невидимый мне, он в отдалении стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Он выждал, а затем, кружным путем